

Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социс. 1996. № 1–2.

- 6 См.: Шулнетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 379.
- 7 См.: Дэй Т., Зиглер Л. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М., 1984; Перенти М. Демократия для элиты. М., 1990.
- 8 См.: Элдерсфельд С. Дж. Политические элиты в со-

временных обществах: эмпирические исследования и демократическая теория. М., 1992.

- 9 См.: Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992.
- 10 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 550.
- 11 См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

УДК 323.329:316.3(470+571)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (по материалам анкетных опросов)

Т.М. Жиганова

Волгоградская академия государственной службы,
первый проректор
E-mail: media@vags.ru; recror@vags.ru

В статье аргументируется определение интеллигенции, её признаков и структура в современной России. Изучены трансформации статуса интеллигенции в 1992–2007 гг., её экономическая и социальная дифференциация. Выводы сделаны на основе социологических опросов.

Ключевые слова: интеллигенция, социальная стратификация, социальный статус, трансформация интеллигенции, политическая деятельность, политические позиции.

Intelligency in the Social Structure of Post-Soviet Russia (by Questionnaire Results)

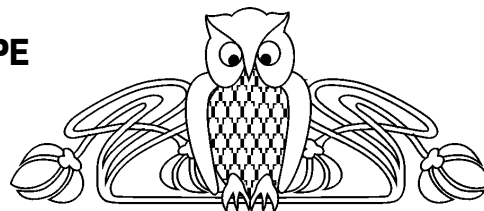
T.M. Zhiganova

The definition of intelligentsia, their features and structure in contemporary Russia is argued in this article. Transformations of intelligentsia's status (1992–2007), its economic and social differentiation are studied. The conclusions are made on the base of sociological data.

Key words: intelligentsia, social stratification, social status, transformation of intelligentsia, political activity, political positions.

Теории стратификации позволяют дать определение интеллигенции в качестве реальной группы общества; выяснить статус и роли, функции интеллигенции; проследить изменения диспозиций группы в социальной структуре российского общества. Причем стратификационный подход можно считать «материнским» для элитистского и аксиологического в соответствии с моделью «воронки причинности» А. Кэмпбелла. Элита в данном аспекте – одна из социальных групп в статусной иерархии. Ценности и ориентации интеллигенции можно трактовать как «символический капитал» группы, т.е. производную от структуры политических ресурсов группы.

Рассмотрим изменения статуса, позиций и функций российской интеллигенции в постсоветском обществе.

Цель статьи – дать определение интеллигенции, её атрибутивных признаков и внутреннего строения в системе стратификации России. Для этого потребуется сравнить существующие научные трактовки интеллигенции, интерпретировать совокупность индикаторов статуса данной группы, выявить тенденции экономической и социальной дифференциации группы в 1990–2000-х гг.

Эмпирическую базу статьи составили итоги анкетных опросов, проведенных Институтом комплексных социальных исследований РАН (2003 г.), исследовательским центром «РОМИР-Мониторинг» (осень 2004 – весна 2005 г.), а также материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. и текущей бюджетной статистики.

Теоретической основой работы стал неоинституционализм. Он позволяет отказаться от односторонних трактовок интеллигенции как морализаторских, так и профессионально-групповых. Интеллигенция может быть рассмотрена как реальная социальная группа, обладающая ресурсами влияния, формирующая свои интересы и реализующая их в стратегиях действия¹.

Начать можно со сравнения противоречивых трактовок интеллигенции. Российские политологи и социологи часто воспроизводят стереотипные оценки, отражающие реальность XIX века². Интеллигенция обычно считается неформальным сообществом «борцов за правду», нравственным эталоном для народа, носителем нормативных ценностей и форм поведения. Противопоставление в научных текстах понятий «интеллигенция» и «интеллектуал» выражает различие православной и западной секулярной традиций.

Моральные качества интеллигентов считаются неразрывно связанными с их политической автономией от власти, независимостью политических ориентаций. Так, академик Д.С. Лихачев полагал: «Интеллигент – это... человек, обладающий умственной порядочностью... к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений эко-

номических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обстоятельствам»³. Н.Н. Моисеев относил к интеллигенции прослойку, которая «способна выйти за рамки своих личных интересов, думать о судьбе всей страны, особенностях своего государства, искать конструктивные усовершенствования его структуры и деятельности. И это далеко не всегда люди интеллектуального труда»⁴.

На уровне политических ориентаций и установок деятельности В.А. Мансуров постулирует следующие качества интеллигенции: служение обществу, а не личной выгоде; соблюдение профессиональной этики; восприятие своей профессиональной группы как референтной; следование нормам культуры; стремление к автономии от оценок группы⁵.

При идеализме и эмоциональности данного подхода в нём есть «рациональные зерна». Интеллигенция оценивается по основному качеству – групповой идентичности. Она воспринимается как квалифицированный эксперт политики, дистанцированный от государственной власти.

Напротив, растёт популярность позиции, согласно которой интеллигенции не существует в постсоветской России. С.Б. Орлов называет эту группу «мифологической»⁶. Р.В. Рывкина и Н.Е. Покровский полагают, что интеллигенция утратила групповой статус и общие интересы, сходные источники доходов (оплату государством идеологического «обслуживания») ⁷. Часть её стала сегментом политической элиты (политконсультанты, редакторы СМИ и влиятельные журналисты, деятели науки и искусства). Преобладающая же часть интеллигенции не адаптировалась к современной социальной системе, войдя в состав «новых бедных».

На наш взгляд, правы сторонники третьего – прагматичного, взвешенного подхода (Н.И. Лапин, Д.С. Попов, Т. Гурова и др.). Они считают, что данная группа после 1991 г. трансформируется, обретая новые позиции и роли. Н.И. Лапин определяет интеллигенцию как группу профессионалов, выполняющих функции создания и «продвижения» ценностей в обществе⁸. Д.С. Попов отмечает, что интеллигенция всё более обретает черты виртуальной, а не только реальной группы⁹. На первый план выходит самоидентификация группы, что не означает исчезновения реального сообщества. Виртуализация групп, условность и подвижность их границ – мировая тенденция, с запозданием ставшая фактом и в России.

Наиболее полно точка зрения о поглощении старой интеллигенции в составе среднего класса выражена Л.А. Беляевой. Из формирующегося «нового» среднего класса 1990-х гг. исключены высококвалифицированные слои работников науки, культуры, образования, технической интеллигенции, социальных служб. Именно интеллигенция, и прежде всего её «ядро» – высокообразованный столичный слой, подготовила рыночные

и демократические преобразования. «Но в рамках избранной модели реформ эти группы были вытеснены в бедные слои»¹⁰.

Напротив, В.В. Радаев и О.И. Шкаратан считали весьма сомнительным вывод об исчезновении интеллигенции в целом. Нельзя, по их мнению, автоматически зачислять в интеллигенцию всех лиц с высшим образованием, а надо учитывать реальное качество образования и его полезность в восходящей мобильности.

М.Н. Руткевич определяет интеллигенцию как социальную группу работников, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации. В постсоветский период эта группа сохранилась, но изменилась её социальная сущность. Из совладельца общественной собственности она превратилась в наемных работников. Немалая часть бывшей интеллигенции испытала восходящую мобильность, перейдя в сферы финансов, торговли, политического и бизнесконсультирования¹¹.

И.И. Осинский и В.С. Семенов считают, что ныне интеллигенция расколота. Её значительная часть не имеет возможности реализовать профессиональные знания и навыки, повышать квалификацию¹².

Насколько эти мнения подтверждаются эмпирически? В 1994 г. проведен социологический опрос под руководством О.И. Шкаратана. Он охватил 3200 чел. в 11 регионах России. Опрос дал возможность оценить социальную и профессиональную идентификацию респондентов на интервале 1985–1994 гг., а также выяснить субъективные самооценки экономических ресурсов влияния.

Высококвалифицированными профессионалами, имеющими ученую степень, в 1985 г. являлись 1,6% респондентов; в 1990 г. – 1,8; в 1994 г. – 1,3%. Доля профессионалов с высшим образованием тоже сокращалась: в 1985 г. – 21,4% респондентов, в 1990 г. – 20,0; в 1994 г. – 18,8%.

В России образование само по себе не гарантирует успеха. По сведениям Государственного комитета по статистике РФ, к началу 2000 г. 9,9% российских безработных имели высшее, а 2,7% – незаконченное высшее образование¹³. Согласно докладу Министерства труда РФ, представленному на заседании Правительства РФ 24 февраля 2000 г., уровень заработной платы работников образования составлял 42% средней зарплаты в промышленности; работников здравоохранения – 46%; работников культуры – 42%¹⁴.

С.А. Магарил критикует представление об интеллигенции как о нерасчлененной, экономически и социально однородной группе. Такое представление далеко от реальности. Напротив, надо различать интеллектуальный истеблишмент и работников массовых профессий¹⁵. Первая из этих групп сосредоточена в столицах, а также крупных городах; она имеет основной доступ к СМИ и формирует стереотипы об интеллигенции. Вторая

группа (учителя, врачи, журналисты, работники культуры) непричастна к принятию стратегических решений. Информационная изоляция резко уменьшила влияние интеллектуалов на общественное мнение. Войдя во власть, интеллигенция перестает быть собой. Практика принятия политических решений предполагает компетенцию профессионально подготовленных политиков и управленцев, а не нравственно и идеологически ориентированных интеллигентов.

В январе 1994 г. и ноябре 2002 г. были проведены репрезентативные массовые опросы под руководством О.И. Шкаратана. Они охватили лишь представителей экономически активного населения. Согласно субъективной самооценке, считали себя высококвалифицированными профессионалами 8,2% респондентов в 1994 г. и 3,5% – в 2002 г. Профессионалами с высшим образованием были соответственно 18,6 и 14,3%¹⁶.

За 1990–2002 гг. высококвалифицированные профессионалы, судя по самооценке, подверглись нисходящей мобильности. Их общий удельный вес сократился с 3,8 до 3,4% респондентов. Свыше 1/2 опрошенных изменили свои позиции, причем баланс снизивших статус к повысившим – 3: 1.

Профессионалы с высшим образованием остались в целом стабильным слоем (14,2% респондентов), их нисходящая мобильность (по самооценке) уравновешивалась восходящей. Интеллигенция неоднородна по составу, статусу, интересам.

Институт комплексных социальных исследований РАН в 2003 г. провел опрос. По его итогам, интеллигенция составляет 15–17% респондентов. 45% интеллигенции работает в государственном секторе, 16% – на приватизированных и почти 23% – во вновь созданных частных фирмах. К верхнему слою среднего класса можно отнести около 35% опрошенных интеллигентов, которые имеют ежемесячный доход свыше 1 тыс. долл.¹⁷

Наибольший интерес представляет анкетный опрос, проведенный службой «РОМИР-Мониторинг» в конце 2004 – начале 2005 гг. Выборка из 15 тыс. чел. включала в себя 2800 жителей мегаполисов (городов с населением свыше 1 млн чел.), 1400 жителей крупных городов (от 500 до 1000 тыс. жителей), 2950 жителей средних городов, 2900 жителей малых городов, 5100 жителей деревень и посёлков городского типа.

По уровню дохода и образования управляющие и высококвалифицированные интеллектуалы, т.е. «белые воротнички», делятся на два слоя.

Первый из них (1,8% респондентов) – топ-менеджеры, владельцы частных малых предприятий и высококвалифицированные специалисты. Среди них весомо преобладают мужчины (68%). Это самая образованная группа респондентов: 63% из них имеют высшее образование, тогда как в группе интеллигенции таковых 48%. В данной группе высока склонность к самообразованию: 30% имеют второе высшее образование либо

окончили курсы повышения квалификации. У них самое «образованное» происхождение: родители 33% респондентов имеют высшее образование (в других слоях – не более 15% родителей). Большинство слоя топ-менеджеров и владельцев работает в малом и среднем бизнесе (менее 500 наемных работников на компанию). Они чаще всего живут в крупных, энергично развивающихся городах. Среди них преобладают адаптанты и «оптимисты»: 58% считают, что их положение улучшилось за последний год, а лишь 6% – что ухудшилось. 90% положительно относятся к предпринимателям и рыночной экономике.

«Белые воротнички-2» (5,4% респондентов) – менеджеры среднего звена, работники интеллектуального труда высокой и средней квалификации. Это вторая по уровню образования группа: 57% получили высшее образование, многие стремятся повышать квалификацию. Гендерный состав равновесный: по 50% мужчин и женщин. Они проживают в основном в успешно развивающихся городах. Заявленный уровень их доходов в 3 раза ниже, чем среди топ-менеджеров. Уровень адаптивности к постсоветской системе высокий: 76% полагают, что переход к рынку был нужен. 86% хорошо относятся к предпринимателям.

Интеллигенция в сумме достигла 15,5% респондентов опроса «РОМИР-Мониторинг». Она, так же, как и «белые воротнички», отчетливо делится на две подгруппы по статусу.

Первая, более обеспеченная подгруппа интеллигенции (10% респондентов) имела в начале 2005 г. заявленный личный доход 5600 руб., т.е. не отличалась от массовой подгруппы менеджеров. По профессии это педагоги, врачи, служащие. Среди них доминируют женщины (70%). Уровень образования высокий (почти 50% окончили вузы, 20% повышали квалификацию). Большинство из них проживают в успешных городах. Субъективная оценка своего экономического положения позитивна.

Мало отличаясь по вышеназванным показателям от менеджеров, квалифицированная интеллигенция слабее адаптирована к рынку труда. Только 27% группы считают, что легко найдет новую работу (среди топ-менеджеров таких 50%). Основная причина контраста – занятость интеллигентов в основном в госсекторе (66%), в том числе сфере образования (23% респондентов) и здравоохранения (13%). Сказывается также преобладание женщин, дискриминируемых в оплате и карьерном росте.

Массовый слой интеллигенции (5% респондентов) – прежде всего рядовые работники бюджетных отраслей госсектора: медсестры, учительницы начальных классов, воспитательницы детских садов и т.д.

В сравнении с высшим слоем интеллигенции этот слой менее образован (16% имеют высшее образование в сравнении с 57%). Среди них 75% заняты в госсекторе (62% в высшем слое). До-

минируют женщины (82%). Заявленный уровень доходов в 2,5 раз ниже, чем у высшего слоя интеллигенции (т.е. 2100 руб. в месяц). Они проживают в менее «успешных» городах. 24% слоя с удовольствием покинули бы свой город, 20% считают, что их населенный пункт приходит в упадок.

Вместе с тем низовой слой интеллигенции положительно относится к рынку: 61% считают переход к рынку необходимым, 89% хорошо относятся к предпринимателям.

По итогам исследования «РОМИР-Мониторинг», социальная структура общества в начале 2005 г. включала в себя пять страт. Они оцениваются не только по уровню доходов, но и по заявленным ценностям.

1. Верхний средний класс (19,9 %) – менеджеры, владельцы малых и средних предприятий, высококвалифицированные рабочие. В системе человеческих качеств выше всего ставят интеллект, трудолюбие, порядочность, волю.

Из ценностей доминирует свобода, понимаемая как свободный доступ к информации. Общественную справедливость трактуют как личные права и свободы.

2. Средний средний класс (15,5 %) включает в себя высший слой интеллигенции и квалифицированных рабочих. Причем ценности двух составляющих слоёв различаются. Для интеллигентов свобода, прежде всего, в праве открыто выражать мнение, а для рабочих – это возможность заниматься любимым делом.

Обе страты в совокупности (25,4 % респондентов) составляют средний класс быстро расширяющийся. Его представители ориентированы на достижение успеха, стремятся к личной свободе и богатству. Они ценят интеллект, трудолюбие и успех. В политическом аспекте они выступают за сильное государство, порядок и законность.

3. Верхний низший класс (9,1 % респондентов) неоднороден. Он включает в себя и низший слой интеллигентов (5 %), и учащихся (3,3 %) и рабочих (10,8 %). По своему менталитету первые две группы мало отличаются от среднего класса, но имеют пониженные доходы.

4. Средний низший класс (24,5 %) – неквалифицированные рабочие и служащие, неработающие.

5. Низший класс (31 %) – безработные, пенсионеры.

Анализируя статусные позиции и ценности в данной структуре, Т. Гурова отмечает парадокс: статус интеллигенции ниже, чем высококвалифицированных рабочих. Она полагает, что рабочие более настроены поддерживать рыночную экономику и иметь собственный бизнес, чем интеллигенты.

Степень зависимости от государства резко контрастирует по социально-квалификационным группам. Например, только 1,3 % руководителей и менеджеров высшего звена чувствуют большую зависимость, а среди квалифицированных работ-

ников интеллектуального труда таких 22,7%. Кстати, работники интеллектуального труда высшей квалификации гораздо ближе по уровню зависимости к руководителям и менеджерам среднего звена (соответственно 4,7 и 4,5 %).

Опрос, проведенный службой «РОМИР-Мониторинг» в начале 2005 г., охватил 1851 представителя интеллигенции. По итогам опроса, 1269 из них (2/3) отнесены к высшему слою по статусу, 582 – к низшему.

Демографический облик интеллигенции, по данному опросу, женский (на 72,8 % во всей группе). Малообеспеченный слой более феминизирован (82,0 % в равнении с 68,6 % женщин в высокооплачиваемом слое).

Уровень образования интеллигенции: преобладает высшее образование (38,3% всей совокупности) и среднее специальное (45,2%). Еще 6,4% респондентов имеют незаконченное высшее образование. Очевидны резкие различия в уровне образования между двумя слоями интеллигенции. Окончили вузы 48,5% высшего слоя и 16,4% низшего; имеют незаконченное высшее образование соответственно 5,3 и 8,9%; среднее специальное образование – 39,7 и 57,2%. Лишь 2% высшего слоя интеллигентов ограничились средним образованием, тогда как в низшем слое таковых 10,8%.

Судя по самооценке квалификационного статуса, большинство респондентов считают себя «квалифицированными работниками интеллектуального труда» (67,8 % всех опрошенных). 15,6 % назвали себя «малоквалифицированными работниками интеллектуального труда» (13,3 % высшего слоя и 20,6 % низшего слоя). На порядок меньше распространены самооценки «работник интеллектуального труда высшей квалификации» (6,4% всех респондентов, 8,1 – в высшем слое и 2,7 % – в низшем), а также «работник высококвалифицированного физического и умственного труда» (6,2 % всех опрошенных, 9 – высшего и 1,9% – низшего слоя).

Профессиональная специализация интеллигентов связана прежде всего со сферами образования (25 % всех респондентов), промышленности (11,6%), здравоохранения (10,2 %) и торговли (9,0 %). По понятным причинам эта принадлежность весьма диверсифицирована (23 варианта ответа).

Способствуют высокому субъективному статусу такие сферы деятельности, как промышленность (13,4% высшего имущественного слоя и 7,6% низшего), силовые ведомства (соответственно 5,4 и 3,4%), транспорт (5,2 и 1,7%), финансы и кредит (4,6 и 2,4 %), бытовое обслуживание (4,0 и 2,1%), строительство (3,2 и 2,1%), а также агробизнес, наука, компьютерное обслуживание.

Снижают субъективный статус респондентов такие области деятельности, как образование (23,2 % высшего слоя и 29,0 % – низшего),

здравоохранение (8,7 и 13,6%), органы государственного управления (3,9 и 3,3%), культура и искусство (2,8 и 5,0 %), а также связь, жилищно-коммунальное хозяйство, СМИ и реклама, органы юстиции, общественное питание.

Подавляющее большинство интеллигентов (95,7 % всей совокупности) работает по найму и лишь 2,5 % является предпринимателями, причем различий между двумя имущественными слоями по этому параметру нет. Тип профессиональной идентичности интеллигентов во многом связан с их занятостью в государственном секторе (69,2 % всей совокупности, 66,4 % высшего слоя респондентов и 75,4 % низшего слоя). Таким образом, занятость в госсекторе не стимулирует рост доходов респондентов.

Уровень заявленных доходов интеллигенции в целом характерен для «среднего среднего класса». 34,5 % всех опрошенных интеллигентов имели в начале 2005 г. заявленный доход от 3001 до 5000 руб. в месяц; 25,9 % – от 5001 до 10000 руб.; 21,6 % – от 2001 до 3000 руб. (прожиточный минимум на душу трудоспособного населения тогда составлял 2690 руб.) Имели заявленный доход ниже 3000 руб. в месяц 36,9 % интеллигентов, а свыше 10001 руб. – 2,8 %.

Очевидны четкие различия уровня доходов высшего и низшего слоёв интеллигенции. В высшем слое имели доход более 10001 руб. ежемесячно 4,0%, в низшем таких не было вовсе. Располагали доходом меньше 3000 руб. 10,3% высшего слоя и 94,7% низшего слоя. В сравнении по всем социальным группам респондентов имели доходы ниже 3000 руб. 49,6%, а выше 10001 руб. в мес. – 4,1%.

Субъективная оценка адаптации к рыночным условиям довольно высока среди интеллигентов (66,2% положительных и 26,6% отрицательных ответов), причём самооценка высшего и низшего слоёв различается ненамного.

Часть интеллигенции преобразовалась в новый правящий класс – политическую элиту. В итоге перемен интеллигенция раскололась на три новых слоя: 1) часть правящей элиты; 2) часть бизнес-элит; 3) слой в составе «новых бедных» (неимущих).

По мнению Т.В. Наумовой, внутри современной интеллигенции сложился высший слой, её элитарная часть. К ней относятся сравнительно обеспеченные профессионалы, интеллектуально обслуживающие правящую элиту, т.е. квалифицированные специалисты в области политических услуг, образования и науки. Этот слой выполняет важные политические функции: генерирует идеи, ставит проблемы, вырабатывает теории. Он остается по профессиональному статусу интеллигенцией, составляя базу поддержки правящего класса¹⁸.

В начале 1990-х гг. в правящую элиту рекрутировалась реформистски настроенная часть интеллигенции, в том числе выходцы из социальных низов. В основном это были представители

научной интеллигенции. Слой интеллигенции, интегрированный за последние 15 лет в правящую элиту, резко выделяется на фоне «массового» слоя интеллигенции уровнем доходов и высокими потребительскими стандартами. Это наиболее влиятельная и политически активная часть интеллигенции. Она вырабатывает и принимает ответственные решения, непосредственно осуществляет государственное управление. Именно этот слой распоряжается будущим страны.

Второй из высокостатусных слоёв внутри интеллигенции связан с бизнесом. Это собственники, сами руководящие принадлежащими им фирмами, а также топ-менеджеры.

Верхний слой среднего класса включает в себя небольшую часть квалифицированных специалистов, гуманитариев. Они в основном заняты в частном секторе экономики.

Все перечисленные слои интеллигенции легко адаптировались к трансформациям общества, выиграли не только в свободе мысли, но и по уровню жизни. Они достаточно оптимистично расценивают свои перспективы, равно как и будущее всей страны.

Напротив, подавляющая часть интеллигенции занята проблемами выживания. Для работников массовых профессий характерны невостребованность интеллектуального капитала и низкая оплата труда, поэтому данный слой не видит позитивных перемен, лишен доли прибыли от стабилизации общества. Значительная часть массовой интеллигенции не смогла адаптироваться к рынку и потому негативно относится к либеральным реформам.

О. Карпухин и Э. Макаревич вводят термин «интеллигенция массы», т.е. слой людей массовых профессий умственного труда, получивших высшее образование¹⁹. Эта группа аккумулирует интересы и ожидания; ориентируется на идеологические установки элитной интеллигенции и ретранслирует их на массы. «Интеллигенция массы» невостребована современной экономикой и ищет дополнительные заработки. Она не только лишена надлежащей доли в национальном доходе, но и вытеснена «на обочину» экономической активности. Однако некогда полученное образование, политические и профессиональные амбиции, сохраняются, т.е. они вступают в противоречие с реальным статусом интеллигентов.

О.И. Шкаратан критикует попытки априорно отнести всю интеллигенцию к среднему классу. Например, группа исследователей Бюро экономического анализа в 2000 г. отнесли по уровню образования к среднему классу от 20 до 40% занятого населения, а по профессиональной квалификации – от 35 до 45%²⁰. Те же авторы в более аргументированной монографии 2003 г. утверждают, что «ядро средних классов [России] представлено высокообразованным населением, сформировавшимся в семьях с хорошо образованными родителями, проживающими преимущественно в городах, активно включен-

ными в социальные коммуникации и имеющими для этого современные средства информационных технологий»²¹.

Но дело не только в процентном уровне. О.И. Шкаратан справедливо требует предпочесть функциональный подход, а не дескриптивный. В России средний класс, увы, более напоминает страны третьего мира по составу и функциям: это прежде всего мелкие предприниматели и менеджеры сервисных отраслей, инфраструктуры сырьевого бизнеса, банков; государственные и муниципальные служащие²².

В России еще слабо выражен новый средний класс – профессионалы и менеджеры, связанные с информационной экономикой, а также исследователи, врачи, преподаватели, т.е. производители инновационных знаний и технологий. По мнению О.И. Шкаратана, специалисты высшей и средней квалификации могли бы иметь шанс пополнить средний класс. Но их большая часть принадлежала в прошлом к «размытой межслоевой группе» – интеллигенции. Они находятся в весьма болезненном процессе вхождения в состав профессионалов. Но и это еще не средний класс, а лишь потенциальный «материал» для него.

Итак, в России за 1990–2000-е гг. сложилось общество, принципиально отличающееся от советского по характеру отношений между социальными группами и их составу. В советский период общественные отношения опосредовались государством. Ныне социальные группы более автономно строят отношения между собой.

Стратификационный подход к изучению интеллигенции позволяет определить сущность данной категории. Интеллигенция понимается нами как большая социальная группа, занятая в сфере высококвалифицированного умственного труда. Её основной функцией, позволяющей говорить о сохранении интеллигенции в России, является создание и распространение «символического капитала», коммуникация между элитами и массами. Интеллигенция сохраняет групповую идентичность.

Интерпретация итогов социологических опросов подтверждает, что интеллигенция может быть ограничена 13–15% респондентов. Они заняты, как правило, квалифицированным умственным трудом, имеют высшее или среднее специальное образование, относят себя к данной группе. По экономическому статусу интеллигенция неоднородна. Она включает в себя интеллектуальные элиты (часть «верхнего среднего» класса), «массовую» интеллигенцию («средний и низший средний» классы), а также малоимущие и маргинализованные слои. Элитная часть всей группы соотносится с остальными по численности примерно 1 : 3; имущественные группы отчетливо различаются по доходам и профессиям.

Качественные трансформации интеллигенции в 1990–2000-х гг. проявились в резком снижении политического статуса группы, в

утрате её государственно-зависимого и идеологизированного характера. Возросла сегментация интеллигенции по территориальному признаку (эффекты столичности и провинциальности), а также сегментация в зависимости от размеров населённых пунктов.

Наиболее системную интерпретацию статуса и мобильности группы можно провести по совокупности таких индикаторов, как уровень заявленных доходов, степень адаптации к новой социальной системе, субъективный статус, профессия, уровень и вид образования.

Примечания

- 1 См.: Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В.Я. Гельман, С.И. Рыженков, М. Бри. М., 2000. С. 20–22.
- 2 См.: Соколов В. Современная российская интеллигенция и российская ментальность // Государственная служба. 2006. № 4(42). С. 139–150; Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев // Социс. 2006. № 6. С. 129–138.
- 3 Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3.
- 4 Моисеев Н.Н. Вехи – 2000: Заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999. № 3. С. 142.
- 5 Цит. по: Осинский И.Н., Добрынина М.И. Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI веков // Социс. 2002. № 1. С. 144.
- 6 См.: Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен: историко-социологический анализ // Социс. 2001. № 11. С. 51.
- 7 См.: Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социс. 2006. № 6. С. 138–146; Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. М., 1999. С. 49.
- 8 Цит. по: Цапко М.С., Анисимов Р.И. Ценности и ценностные ориентации интеллигенции // Социс. 2006. № 9. С. 168.
- 9 См.: Попов Д.С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России. 2006. № 4. С. 62–64.
- 10 Беляева Л.А. Россия перед историческим выбором // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 61–66.
- 11 Осинский И.И., Добрынина М.И. Указ. соч. С. 143.
- 12 Там же. С. 144.
- 13 См.: Независимая газета. 2000. 19 сент.
- 14 См.: Рабочая сила. 2000. № 2 (март).
- 15 См.: Магарил С.А. Россия: государство и интеллигенция // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 279.
- 16 См.: Шкаратан О.И. Социальные реалии России начала 2000-х гг.: Предварительные итоги представительного опроса россиян // Мир России. 2003. № 2. С. 125–129.
- 17 См.: Чернов А. Люди, которых нет // Ведомости. 2004. 13 февр.

- ¹⁸ См.: *Наумова Т.В.* Социально-политические ориентации российской интеллигенции // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 35–40.
- ¹⁹ См.: *Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф.* О взаимодействии «новой» интеллигенции и интеллигенции массы // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2. С. 77–79.
- ²⁰ См.: Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская и др. М., 2000. С. 178.
- ²¹ Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. М., 2003. С. 269.
- ²² См.: *Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006. С. 180–181, 196–197.

УДК 329.059470+571

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены концептуальные основы и эволюция функциональности идеологического фактора в легитимации политической системы в 1990-е гг. и в современной России.

Ключевые слова: идеология, легитимация, партия, политическая система, функциональность идеологий, актуализированная идеология.

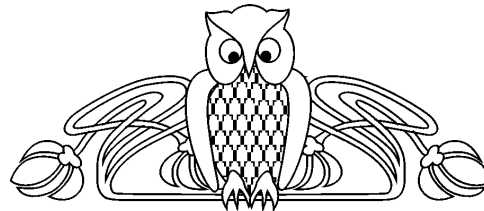
Ideological Factor of Political System Legitimation in Post-Soviet Russia

V.I. Golovchenko

The paper considers the conceptual principles and evolution of the ideological factor functionality in political system legitimation in Russia in the 1990ies and nowadays.

Key words: ideology, legitimacy, party, political system, functionality of ideologies, an actualized ideology.

Одной из важнейших инструментальных функций идеологий в обществе является легитимация существующей политической системы, ее основных институтов, механизмов и принципов функционирования. Ее сущность заключается в обосновании претензий на власть какой-либо политической силы (партии, общественно-политического движения, их отдельных представителей) и стремлении получить поддержку большинства граждан в данных претензиях с помощью информационно-коммуникационного воздействия. Идеологические концепты, оформленные в предвыборные платформы, за которые на выборах голосует большинство, формализуют социальную значимость данных претензий и легитимацию конкретного политического режима, усиливают государственную власть и соответственно увеличивают эффективность общественных и государственных преобразований, повышают результативность принимаемых политических решений. Тем самым идеологии по-

зволяют разрешить диалектическое противоречие любой общественно-политической системы, заключающееся в удовлетворении двух важнейших объективных потребностей. С одной стороны, это потребность системы в постоянном обновлении и совершенствовании, в устранении различных социальных противоречий и конфликтных ситуаций, в постоянной адаптации к новым внутренним и внешним условиям. С другой – это потребность системы и общества в стабильности и преемственности своего развития.

В случае, если данное противоречие разрешить не удастся, происходит радикальный вариант реализации данной функции идеологии, заключающийся в обосновании необходимости замены политической системы на принципиально новую, основанную на иных ценностях и основаниях. Такой революционный переход был осуществлен в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. под знаменем борьбы с застойными явлениями социализма и необходимости его обновления, а затем на основе внедрения идей и ценностей либерализма.

Однако в 1990-е гг. разочарование значительной части российского населения в демократических социально-политических преобразованиях не привело к многоуровневой легитимации установившегося политического режима в постсоветской России. Формирование многопартийности, системы разделения властей, внедрение демократических процедур конкурентных выборов, политических прав и свобод, гласности и плюрализма не сопровождалось улучшением социально-экономического положения большинства российских граждан и поэтому не воспринимались как самодостаточные и социально значимые политические институты.

В результате недовольство людей политикой достигло такого масштаба, что поставило под вопрос все уровни легитимности существующей общественно-политической системы. Уровень персональной легитимности Президента на выборах 1996 г. удалось обеспечить только